

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Палладеса Виктора Вячеславовича на тему: «Инвектива в арабском языке», представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (арабский язык)

Оппонируемая диссертация посвящена изучению арабских инвектив как агрессивных речевых актов, а также используемых в них абсцентных лексических единиц. Исследование ориентировано на теории Р. Лакоффа и Дж. Лича, опирающихся на коммуникативный принцип П. Грайса, и теорию П. Браун и С. Левинсона, оперирующей понятием «лицо». Актуальность исследования автор видит в выявлении границ между допустимыми и недопустимыми инвективными средствами, поскольку несмотря на отсутствие в арабском языке чёткого деления на разрешённые и запрещённые слова, наличие табу в анализируемой лингвокультуре бесспорно, при этом арабский девиантный дискурс и его инвективный инструментарий остаются в современной лингвистике малоизученными. Исходный материал исследования составили авторские списки инвектив, взятые из собственного языкового опыта, а также результаты проведённых автором опросов носителей диалектов арабского языка. Диссертантом была проделана большая работа по сбору фактического материала. Достоин внимания его анализ арабской сексуально-маркированной лексики – в диссертации описано и систематизировано значительное количество лексических единиц данной категории, функционирующих в различных арабских идиомах, причём с акцентом на узусе инвектив. Диссертант ставит перед собой задачу определить место инвективы в парадигме вежливости-невежливости, а также выявить её характерные черты. Такая постановка вопроса вызывает уважение, поскольку свидетельствует о системном подходе автора работы к предмету своего исследования. Уточнение понятий, находящихся в фокусе диссертации, с одной стороны, помогает избежать размывания предмета, а с другой – вносит существенный вклад в научное знание, что особенно важно, учитывая отсутствие устоявшихся взглядов на проблему инвективы в арабистике и лингвистике в целом.

Отметим высокий технический уровень выполнения исследования, использование автором интуитивно понятной транскрипции, которой снабжены в диссертации все арабские примеры. Принципы романизации, декларируемые В. В. Палладесом, тщательность их проработки и широкое внедрение облегчают восприятие специфического языкового материала, в том числе и исследователями, не являющимися арабистами.

Решение задачи территориального маркирования приводимых в работе лингвистических единиц, снабжение их пометами принадлежности диалектам и сбор речевого материала в полевых условиях составляют, несомненно, сильную сторону исследования. Очень хорошее впечатление производит описанный автором механизм воздействия различных инвективных лексем на адресата, когда одни передают весь инвективный заряд реципиенту, не задев окружающих (т.н. «инвективы-пули»), другие, наоборот, распространяют свой

PK N 33-06-914 от 10.08.2023

заряд на всех оказавшихся в зоне его поражения (т.н. «инвективы-бомбы»), причём свойства инвективных лексем увязываются со степенью их табуированности: чем серьёзней запрет, нарушенный словоупотреблением, тем сильнее от него негативный эффект на случайных свидетелей (с. 44–48). Импонирует также стремление автора к точности изложения и использованию статистических методов. Всяческих похвал заслуживает развиваемый в диссертации взгляд на невежливость как на отдельный социальный феномен, а не отклонение от норм вежливости (с. 24 и др.), а также предложенная автором модульная архитектура универсальных инвектив (с. 57, 143 и др). Несомненной заслугой диссертанта является *универсальный индикатор табуированности* (с. 79 и др.) и усиливающий его *рейтинг допустимости* (с. 84–85). Правда, с учётом того, что женщины более чувствительны к брани, нежели мужчины, может, стоит диагностическую процедуру немного уточнить, скажем: «Допустимо ли употребление в Вашем присутствии на Вашем родном языке слова *** незнакомым иностранцем?». Отметим также экспериментальный характер исследования и оригинальность проведённых социологических опросов (с. 82–84). Автор скромно формулирует лишь три положения на защиту, хотя диссертация имеет богатый аналитический материал и изобилует выводами (см., например, с. 85–94 или с. 140, содержащей вывод о том, что «в случае с угрозами основная инвективность этих выражений проистекает из их статуса табу, а не из семантики, заключенной в самих лексемах»), поэтому положений на защиту стоило бы вынести больше.

Интересны полученные автором данные о том, что «длинный список характеристик коммуникантов, а также наличие сразу нескольких вопросов значительно повысили трудоемкость участия в исследовании для респондентов и усложнили обработку полученных результатов, что лишило его перспектив на расширение охвата опрашиваемых» (с. 95), а также о том, что «лексема, изначально соотнесенная с одним концептом копулятивной тематической группы, может со временем значительно расширить свой семантический потенциал и начать использоваться для передачи других концептов, в том числе находящихся за пределами копулятивной группы» (с. 103) или о том, что в арабском языке «не распространены выражения, имеющие в качестве прямого объекта агрессии сексуальную честь жены или дочери инвектума» (с. 114), наконец, о том, что «женская неверность является не просто порицаемой обществом, а преступной с точки зрения ислама и основанных на нем законов арабских государств, что позволяет рассматривать некоторые слова, *использующиеся в юридической практике* (курсив наш – А.Г.) не только как оскорбления, но и как клевету» (с. 124).

Вывод о том, что «табуированная лексика в арабском языке прежде всего связана с сексуальной сферой, в т.ч. половыми органами, их функциями и отклонениями в сексуальном поведении» (с. 74), совпадает с ожидаемым и воспринимается как достоверный: ничто человеческое арабам также не чуждо; он относится к достижениям исследования, но имеет политический подтекст, который следует учесть в случае издания диссертации в качестве монографии.

Отдельно отметим, что поскольку арабская абсцентная лексика в диссертации обычно сопровождается английскими переводными эквивалентами, читатель после ознакомления с текстом невольно становится специалистом не только в области арабских, но и английских инвектив.

Результаты статистической обработки материала исследования представлены в приложениях 1–2 (с. 168–183) в конце работы. Библиография диссертации насчитывает 153 наименования, из которых 40 научных трудов на русском языке, 87 – на английском, 1 – на польском, 4 – на арабском. В работе использован 21 источник на русском, английском, немецком и арабском языках. Диссертация имеет прозрачную структуру, прекрасно оформлена и написана грамотным научным языком, нарушений в сфере прямого или косвенного цитирования не обнаружено.

Апробация исследования проходила на 4-х международных научных конференциях в Москве и Санкт-Петербурге.

Диссертантом опубликовано 3 статьи в рецензируемых научных журналах и 4 статьи в сборниках международных научных конференций.

При общем весьма и весьма положительном впечатлении от исследования, обратим внимание на некоторые проблемные моменты.

1. В рамках семантического треугольника Огдена – Ричардса¹ принято выделять сигнификативное, денотативное и коннотативное значения, однако диссертант говорит о совокупности денотативного, коннотативного и эмотивного компонентов (с. 50), не объясняя причину исключения сигнификативного значения, равно как и различие коннотативного и эмотивного компонентов. В любом случае, они являются частными по отношению к *фасцинации* Ю. В. Кнорозова², обращение к которой значительно бы усилило как теоретическую, так и методологическую базу исследования. Надо признать, что семантический треугольник Огдена – Ричардса не очень подходит в качестве отправной точки диссертационной работы, хотя автор и стремится сосредоточиться на рассмотрении лексических средств вне дискурса, отклоняя функциональный подход к классификации инвектив с апелляцией к прагматическим параметрам речевого акта (с. 51). Диссертант справедливо считает, что «группировка лексем по функциональному критерию не представляется реализуемой вовсе, так как одна и та же лексическая единица может выполнять совершенно различные функции в речи» (с. 53), ссылаясь на полученные С. Пинкером результаты. Выход исследователь находит в архитектуре концептов, одно-многозначно или много-однозначно отображаемых в лексические контейнеры. «Важной особенностью таких лексических контейнеров, – пишет он, – является присущая им универсальность – в один и тот же контейнер можно вложить разные идеальные образы» (с. 54). При этом термин

¹ Ogden, C. K. The Meaning of Meaning : A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism / C. K. Ogden, I. A. Richards, with supplementary essays by B. Malinowski and F. G. Crookshank. – London : Kegan Paul, Trench, Trubner ; New York : Harcourt, Brace, 1945. – xxii, 363 p.

² Кнорозов, Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации / Ю. В. Кнорозов // Основные проблемы африканистики. – М. : Наука, 1973. – С. 324–334.

«концепт», по мнению диссертанта, синонимичен термину «смысл», определяемому Ю. С. Степановым как «“пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний» (с. 55). Любопытно, каким образом с помощью такого определения автор диссертации отличал «концепт» от «неконцепта», когда неясно, чем отличаются представления от ассоциаций, а понятия от знаний. Видимо, руководствовался собственной, и весьма развитой, интуицией, раз смог получить нетривиальные выводы (см., например, рис. 1 на с. 57). Однако теория К. Пайка о ядре и периферии значения знака³, опирающаяся на понятие лингвистической переменной Лотфи Заде⁴, значительно бы сократила трудоёмкость исследования, а описать в терминосистеме *модели мира и языковой картины мира* взаимоотношения «концепта» и «лексического контейнера» было бы намного легче. Без строгого разграничения модели мира и языковой картины мира уж точно не обойтись, стоит только попытаться продолжить рассуждения о лабильности взаимосвязей между концептами и лексемами и наборе необходимых для реализации экстралингвистических факторов (с. 57), красноречивым подтверждением чему является вывод диссертанта о том, что одно слово может относиться «минимум к трём концептам сразу» (с. 60–61) или исследования, проведённые Жельвисом, на которые ссылается автор диссертации: «Границы между различными группами сексуальных идиом весьма размыты, а сами лексические единицы могут относиться к нескольким группам одновременно» (с. 100–101). Как видим, проблему *неопределённости* (не смешивать с неоднозначностью или многозначностью) лексических единиц, сформулированную В. В. Мартыновым⁵, концептами не решить.

2. Рассуждения автора о том, что «чем сильнее запрет, тем больший всплеск эмоций вызывает его нарушение» (с. 99) или «строгий же запрет сексуальной тематики делает оскорбления, связанные с этой сферой, особенно сильными и выразительными, ярким подтверждением чему служат копулятивные инвективы в арабском языке» (там же), значительно бы подкрепили теория информации К. Шеннона⁶ или система К. С. Станиславского, согласно которым, чем невероятнее событие – тем больше в нём информации. Иными словами, «если собака кусает человека, это не новость; новость – если человек кусает собаку»⁷.

3. В первом положении, выносимом на защиту, автор относит инвективу к разновидности коммуникативной стратегии, нацеленной на нанесение психоэмоционального ущерба адресату посредством особых, прежде всего, лек-

³ Pike, K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Hague : Mouton, 1967. – 762 p.

⁴ Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – М. : Мир, 1976. – 166 с.

⁵ Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с.; *Он же*. Семиологические основы информатики / В. В. Мартынов. – Минск : Наука и техника, 1974. – 192 с.

⁶ Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – 830 с.

⁷ Душенко, К. В. «История знаменитых цитат»: Никогда не говори «никогда» / К. В. Душенко. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zotych7.livejournal.com/1914279.html>. – Дата доступа: 22.05.2023.

сических языковых средств (с. 13). Признаёт ли при этом диссертант триаду Л. В. Щербы «язык», «речь» и «речевая деятельность», и если – да, то почему абсцентная проблематика не рассматривается в разрезе функциональных стилей? Попутно отметим, что словом можно убить, а не только нанести «психоэмоциональный ущерб».

4. Автор отказывает арабским диалектам в языковой самодостаточности и независимости в полной мере (с. 12), однако, с точки зрения лингвистики, и диалект, и литературный язык являются системами фигур и знаков, обеспечивающими коммуникацию в разных сферах коммуникации, отличие состоит лишь в количестве этих сфер, поскольку литературный язык, по сравнению с диалектом, более развит.

5. Определение вежливости по Линчу через минимизацию «выражения невежливого мнения как неприятного или могущего нанести ущерб» (с. 18) сильно напоминает логический круг и тавтологично по сути. Несмотря на то, что замечание относится к Дж. Линчу, диссертант несёт свою долю ответственности за воспроизведение подобных ошибок. Заметим также, что комментирование взглядов Линча об «абсолютной» и «относительной» вежливости (с. 19), неизбежно выводит на проблемы риторики, о которых диссертант почему-то умалчивает, хотя они тесно увязаны с категориями, которые находятся в центре исследования. Странно и то, что автор, излагая и одновременно разделяя концепцию П. Браун и С. Левинсона (с. 21), нигде не упоминает об управлении знаниями или манипуляции сознанием. Далее, отказ от коммуникации может, конечно, «служить ликоугрожающим актом» (с. 21), а может быть и следствием даосского 无为 *wúwéi* (недеяния), об этом тоже следовало бы сказать, тем более, когда автор претендует на универсальность теоретических оснований.

6. Каким образом универсальные инвективы в составе высказываний, разделённых на обесценивания, пожелания, угрозы и требования (с. 14), соотносятся с модальностью?

7. Тон и интонация – это супraseгментные, а не паравербальные явления (с. 20), паравербальным, как раз таки, оказывается выражение лица (там же), ибо вербально всё, что можно выразить. Невербальным было умение Рембрандта писать картины, который не мог объяснить этого своим ученикам ни с помощью языка, ни с помощью жестов и мимики.

8. Утверждения о том, что понимание арабами вежливости заставляет проявлять большую аккуратность в общении, когда речь заходит о чувствительных с точки зрения чести темах (с. 38) и «их стремление в первую очередь сохранить собственное (а не собеседника) лицо» (с. 39) противоречат друг другу.

9. Слово «изначально» во фразе «в фокусе настоящего исследования находятся лексические единицы арабского языка, **изначально** обладающие самостоятельной инвективностью и выступающие ядром инвективных высказываний» (с. 62) относится к глоттогенезу или семиозису?

10. Таблицу 1 на с. 59–60 желательно, всё же, снабдить английскими переводными эквивалентами арабских лексических единиц. Аналогичная рекомендация для арабских лексем на с. 61.

Некоторые погрешности технического характера.

1. Стилистические недочёты:

«**Табу на секс** как языковой феномен» (с. 2) – запрет на секс не языковой, а социальный феномен;

«Нацеленный на нарушение сложившейся коммуникативной нормы, уязвление и оскорбление адресата, **последний** характеризуется использованием субстандартных языковых средств» (с. 4) – последний, следовательно, адресат;

«особенное место» (с. 4), вместо «особое место»;

«изучена крайне неравномерно» (с. 8);

«коренным образом не исказит» (с. 34);

«является крайне значимой для изучения инвективы как явления» (с. 44);

«каждое из которых слов может быть в равной степени отнесено» (с. 53);

«для большей части человеческих сообществ сфер» (с. 58);

«богохульства, присутствующего практически у всех европейских исследователей инвективы» (с. 61);

Повторяемые в тексте диссертации слова «зачастую» и «спутаны» (о понятиях) относятся к разговорному стилю.

2. Орфографические опечатки:

«полноценному исследованию инвективы» (с. 9), «ко нему» (с. 29), «с точки зрения» (с. 81), «базовой конструкция» (с. 143)

3. Пунктуационные ошибки: с. 18, 35, 38, 51.

4. Недочёты в оформлении библиографии:

Не указаны страницы публикаций автора в сборниках материалов конференций (с. 14–15).

Высказанные замечания не умаляют достоинств работы. Полученные в ходе диссертационного исследования выводы имеют существенное значение для частного языкознания и могут быть использованы как в последующих научных исследованиях, так в специальных учебных курсах. Публикации полностью отражают содержание диссертации.

Искомая степень может быть присуждена за:

1) предложенный универсальный индикатор табуированности, усиленный рейтингом допустимости;

2) вскрытый механизм воздействия арабских инвективных лексем на адресата;

3) выделение типов инвективных высказываний, характерных для арабского языка;

4) трехуровневую концептно-тематическую классификацию арабской инвективной лексики;

5) описание особенностей арабских инвективных высказываний и полученные статистические данные.

Диссертация Палладеса Виктора Вячеславовича на тему: «Инвектива в арабском языке» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения учёных степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Палладес

Виктор Вячеславович заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык). Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета

Доктор филологических наук, профессор,
Заведующий кафедрой теории и практики
китайского языка УО «Минский государственный
лингвистический университет»

Гордей А. Н.